
ПОСТМОДЕРН У СФЕРІ HUMANITIES

УДК 141.32

© Людмила Облова

Національний педагогічний університет ім. М.П.Драгоманова (м.Київ)

УЛОВКИ ГУМАНІТАРИСТИКИ: ШАНТАЖ И ТЕРРОР

В статті розглянуто гуманітаристику як технологію управління людиною. Здійснено спробу представити екзистенціали шантажу і терору.

Ключові слова: гуманітаристика, шантаж, терор, компромат, страх, залякування.

С тех пор как В.Дильтей настоял на различии наук про дух и наук про природу, установилась тенденция понимать гуманитаристику как измерение, противостоящее сфере исчислений. Так сказать, стало положенным понимать ведущим моментом гуманитарного знания отсутствие расчета и, соответственно, делать акцент на непосредственных состояниях человека. Поэтому творчество, история, культура стали исходными для гуманитаристики. Это связано, в первую очередь, с тем, что В.Дильтей, игнорируя возможности разума, сам опирался на действие суверенной воли и утверждал, что дление истории духа обеспечивает жизнь как душевно-духовная сфера. Философ отдал предпочтение жизненному процессу над точной репродукцией явлений из-за «прогресса переживания» души или момента относительности, постоянно присутствующего в познавательных актах человека. Он отстаивал примат загадочной, мгновенной, неповторимой связи исторических событий, которые создаются особенным существом. Именно иррациональная установка творческого пути В.Дильтея и заслонила наличие расчета в гуманитаристике.

Гуманитаристика действительно относится к сфере непосредственных жизнепроявлений, но это не лишает ее алгоритма. Заметим, что гуманитария мало интересуется результатом, но видно процессуальность, нечто длящееся. То есть относящееся к непрерывному шествию и есть тем «местом», где гуманитария важно сбыть свою мечту. Ни на чью не похожую и, конечно, не поддающуюся установленным правилам. То есть воплотить нечто фрагментарное и неконтролируемое. Таким образом, у гуманитариев есть «техника», то есть способность самореализовываться. Гуманитарий – не тот, кто не проявляет способностей к точным наукам и от безысходности занимается, н-р, языком. Хотя и он тоже. Но тот, кто не «загорается» от складывания и разбора наличествующего (примиряет/ссорит понятийное) и не предвидит конечные действия для оптимального решения поставленной задачи. И опять не только он. Главное, что в своем стремлении раскрыть сокровище, исходом (началом) гуманитаристики есть момент индивидуальной ценности. Поэтому гуманитарий стремится к созиданию того, что нельзя представить, но что ограничено личным пониманием и часто обращает свое создание в технологию управления человеком.

Итак, в гуманитаристике преобладает субъективный процесс и сегодня важно вопрошать о гуманитарных вызовах, которые проявляются в ловках преодоления действительного положения вещей, вместо должного про-из-ведения авторского. Сегодняшнее пренебрежение гуманитаристикой сопровождается подавлением «из ряда вон выходящего». Это влечет за собой бессилие отличаться с одновременным желанием сенсационного. Гуманитарий, будучи «обойденным» или попросту экономически бессильным, начинает чаще нужного уединяться. Он все больше изоцряется в познании непредставимого и неявно *преследует цель*. Речь идет не о какой-то цели, а о цели как таковой.

Что же происходит во время невнимательного отношения к гуманитаристике? Намечаются такие «крены»: либо гуманитарий собирает в себе удобное, «униформное» существо и все больше теряет способность проявлять себя; либо диссемирует изнутри и готовит обоснованность, которая в любой момент может обернуться фантазмом управления человечеством. В любом случае он разлагает ценностно-смысловой мир. Поэтому, есть необходимость показать, что гуманитаристика владеет техникой и одновременно способна на расчет. То есть, не всегда дает себе отчет о содеянном. Надо сказать, резерв «разворота»

происходящего, каким обладает гуманитаристика, еще может быть завидным для любой «науки про природу». Попытаюсь показать, смысл неослабного внимания к гуманитаристике.

Одной из линий логики гуманитаристики есть приемы тотализации настоящей силы происходящего, которые проявляются как шантаж и террор. Несмотря на то, что шантаж и террор предполагают собой диалог и чувство участия, таким уловкам, безусловно, не хватает разграничительной (нравственной) силы. Они все равно не предполагают товарищества (сообщества, согласия). Но они в силе «подрывать» отношение участвующих в двусложности бытия и сущего.

Будучи имитированными актами, шантаж и террор направлены на утверждение своего превосходства над Другим с целью его разрушения. Все усилия здесь устремлены на окончательное возвышения себя, через преодоление «пафоса дистанции». Обозначенные «соображения» – зависимые опыты и потому суть неумны (прилипчивы). Так как они – основания непомерности своего за счет угнетения Другого, предсказать их намерения довольно сложно. Но возможно.

Шантаж и террор возникают в результате посылки гуманитаристики к конкуренции и соперничеству. В силу удержания чувства неудовлетворения оттого, что Другой неповторим/неуловим, человек провоцирует себя испытывать угрозу перед небывалым и вместо волнения за всеобщее тревожиться из-за его могущества. Он не успевает привыкнуть к неожиданному и применяет к Другому операцию отрицания, чем инверсирует его суть в Чужого. Это вынуждает затаиваться, а если поступать, то лишь под руководством жажды выгоды и доказательств силы собственного влияния.

Рассмотрим механизмы действия шантажа и террора. В то время как шантаж – это угроза разоблачения, террор – это страх уничтожения. Но обе «акции» единит то, что они держат Другого под наблюдением и необходимо вступают с преследуемым в диалог.

Шантаж – это изворот бытия, воплощающийся как повсеместное извещение неблагоприятного сведения с целью притязания на то, что тебе не принадлежит (что устроено Другим). Средствами шантажа есть разглашение, компромат, вымогательство и угроза. Несмотря на разность воплощения, их объединяет выворачивание наружу скрытого. Именно позорное открывает пути к присвоению чужого и становится главной темой разговора тех, кого столкнул шантаж.

Разглашение (разоблачение) – это вызов тому, что является скрытым, с целью навлечь неприятность на Другого и в такой способ отобрать (присвоить) выгодное, лишив Его чистоты и покоя. Основанием разглашения есть *расхождение*. Шантажист, сосредотачиваясь на позорном, загоняет себя в частное (содержание ситуации) и одновременно упускает истинное (форму). Испытывая неприязнь к Другому, но зрясь на Его состояние, шантажист выведывает нужное для себя через угоду и давит узанным. Так шантажист вынуждает Другого согласиться на требуемое. Момент давления «извернутым должным» (известным-необходимым или скрытым) таит в себе раскол нетствующего промежутка бытия и небытия. Так называемая сыгранность (конец партии) или вынужденная сговорчивость шантажиста и шантажируемого, имитируя «изначальное опоздание» бытия, несет в себе потерю (зазор) будущности сквозь разъединение наличия и обналичиваемого отсутствия (существующего и осуществляемого).

Шантажист в действительности не стремится к должному, а обеспечивает себе будущее за счет «затмения» Другого. Он опирается на греховное, поэтому действие шантажиста всегда постороннее. Это «нетствующее» будущее (извернутое), уходящее в сторону. Таким образом, повсеместное извещение негодного (былой ошибки) превращает шантажиста в «схожего»: существа сливающегося с грехом шантажируемого. Шантажист, опираясь на прокол шантажируемого, становится причастным к используемой скверне. Поэтому сам скверен. И усугубляет свое положение требованием «компенсации» за нанесенный позором ущерб. Через вымогательство, он неприметно провоцирует собственный разлад и затемняет свою сущность.

Компромат (выведывание и удержание позорного) – это известная необходимость (разоблаченное свершившееся) или предосудительные, порицающие знания, разглашение которых навлекает позор и чернит человека. Компромат рождается в процессе выведывания должного через угоду или изворот бытия. Присутствуя и одновременно уходя в сторону от присутствующего (избегая ответственности), возникает возможность скапливать сквозящие (не сквозные) извещения. Такое пассивное участие в действительности, провоцирует способность переживать происходящее без его испытаний и проникаться пониманием того, что сквозь греховное можно обеспечить будущее. Основанием компромата есть собирание (накопление) негодного.

Вымогательство (давление узанным и манипулирование безнравственным) – акт пагубного требования намеченного шантажистом через компромат и распространение. Это имитация изначального восполнения утраченного или неисчерпаемости бытия. Подменяя «обходные маневры» Другого, вымогатель не опаздывает по отношению к самому себе, не идет вослед большего себя. Поэтому не продуцирует утверждение, а опережает происходящее. Он искусственно создает зазор вместо спокойного принятия бытийствующего просвета. Соответственно, не опирается на божественное в себе, а сквозь откат всеобщего отбирает желанное. Шантажист про-из-водит мерзостыню.

Итак, опыт вымогательства предзнаменован, предупрежден расколом. Вымогатель использует слабость (гадость) шантажируемого и под видом требования исправления содеянного греха, восстанавливает должное положение вещей. Только восстановление это «расхожее», заранее пагубное. Ибо вымогатель не исправляет, а использует грех себе на корысть, пользу. Выходит, что вымогатель не требует, а ставит условия и на самом деле прикрывает (уплотняет) греховное. Основанием вымогательства есть разделение.

Угроза (зазор, откат промежуточного) – обещание причинить неприятность (распространение, компромат) в случае невыполнения требуемого. Иначе говоря, при условии, что выставленное условие не обеспечит желанное. Проще говоря, состояние Другого не перейдет во владение шантажиста. Основанием угрозы есть различие/заслон (выставленная преграда, условие).

Итак, расхождение, разделение и различие свидетельствуют об искусственно созданном промежуточном положении и исходно неблагоприятном (безмерном, неумном) стремлении.

Неблаговидность шантажа отличается от «темных» намерений террора. В отличии от бескомпромиссного требования террориста, шантажист «торгуется» (спекулирует порочащим моментом). То есть, не уверен в себе до конца и оставляет место свободе. Опираясь на частное, шантаж формулирует свои правила эмпирично: *если (нет)* не выполняют мое требование, *то (да)* будет разглашено позорящее (компрометирующее). Отсюда, сквозь угрозу, шантажист вымогает состояние Другого и его условной защитой (прикрытием) есть неблагоприятное место. При этом шантажист идет на контакт, оставляя возможность снисхождения. Пусть ненадежной, но все же договоренности. Так он удерживает способность пребывать в своем существе. Неокончательно растлится. Решение быть «говорящим» оправдано «откатным мышлением» (расколом нетствующего) шантажиста.

Шантажист, опираясь на угрозу, сам находится в опасности. Его деяние пропитано предвещанием «нечистого». К тому же посредником (промежутком) в акте шантажа выступает «наличный» недостаток. А это активно расшатывает внутренний мир шантажиста. Шантажист заинтересован в будущем, только средства встречи с грядущим у него были (прошлые). Не просто уже осуществившиеся, а изначально провальные. Выпавшее настоящее берedit шантажиста и он относительно безобиден. Его посыл верхоглядный, ведь он отбирает предметное, возвратимое. Такое положение требует постоянной подпитки своего убеждения в «правильности» (верной просчитанности) своих действий. И укрепить свою позицию (в действительности «разболтать») можно тотальным контролем ситуации, через разговор (в действительности немоту) с шантажируемым.

Таким образом, шантаж таит в себе изначальную ловушку, самокапкан. Понимание саморазрушительной сущности шантажа открывает способ разоблачения угрозы.

Механизм действия уловки шантажа таков. Если «нет» – желанному, то «да» – позорному. И если «да» – желанному, то (временное) «нет» – безнравственному. То есть предметное «да» – шантажисту, позорное «да» – шантажируемому. Согласие шантажу – порицание шантажируемому. И отказ «нет» шантажисту – «нет» (позор) шантажируемому. Здесь, как уже было сказано, есть место «ответу» (со-ответствия, совпадения, контакта). Значит, шантаж нельзя продолжать (длить). Мешать шантажисту – грех. Иначе самозамыкание, саморазрушение не состоится. Шантаж можно остановить его собственными средствами – через разоблачение. Только сделать это может собственно шантажируемый, через признание (принятие/прощение) скверны. Раскаиваясь в позорном, шантажируемый снимает «темноту» случившегося. Частичный отказ шантажисту (или минимальное выполнение его требования) не останавливает шантаж, а отбрасывает (подтачивает, колонизирует) шантажируемого. Так же, полное выполнение требований шантажиста дессиминирует (удваивает) шантаж. Придает ему неизвестную ранее силу.

Единственным средством разоблачить шантаж – есть мгновенный (полный) отказ преданного шантажу. То есть преодоление скверны. Поэтому настоящее нет (утверждающее «нетство») есть местом остановки шантажа. В шантаже согласие устанавливается только по отношению к его прекращению. Шантажируемый сам (на основании доброй воли) объявляет о «слабом» месте и, во-первых, наполняется силой прощения, а, во-вторых, не поддается давлению угроз. Так наказание меняет свое направление. Оно устремлено от «опозорившегося» – на шантажиста. Только наказание в таком «повороте» уже не специальное, а всегда самопроисходящее.

Таким образом, способ борьбы с шантажом заключается не в мизософствующем действии «наперекор», а в сознательном деянии «вопреки». Тот, кто поступает «наперекор», перечит, идет против действительности и совершает противоестественное. Это и есть уловка преодоления действительного положения вещей. Такова техника шантажа. Тот, кто поступает «вопреки», тот без расчета минует негодное. Он самоопределяется помимо порочащего. Так действует человек, способный по-страдать и прекратить (предать забвению) шантаж.

В терроре про-из-ведение иное. Если шантажист конкурирует из-за поверхностного, «наличного» (банальных ценностей) и манипулирует духовным, то ценности борьбы террориста духовные, притом, что средства воплощения требований телесные. Не физические, а посягающие на жизнь как таковую (высшую ценность).

Террор – это изворот бытия, превращенный в страх уничтожения. Или акт посягательства на свободу и жизнь с целью устранения власти Другого и распространения Чужого влияния. Экзистенциалы террора таковы: запугивание, устрашение, насилие, страх.

Запугивание – это использование человеческого недостатка для постоянного, последовательного вторжения в сущность человека. Оно же – настойчивое отбирание (ущемление) внутреннего мира человека как человека. Такое покушение вырабатывает робость, боязливость, мнимость. Тот, кого запугивают, задерган, всегда насторожен, испытывает недоверчивость, поэтому легко уязвим. Все это превращает человека в марионетку и руководствуется желанием затереть, сделать неприметной свободу мыслящего существа. Запугивание как игра на слабости человека, есть рождением чеканного существа.

Основание запугивания – растасканность. Террорист не интересуется состоянием заложника, он равнодушен к нему, ибо не знаком с ним. Жертвой терроризма становится случайный (неизвестный) человек. Это связано с тем, что террорист считает отдельного человека, даже если он высокопоставлен или «мал», пустяком, средством и не растрачивается по мелочам. Террористу не нужна часть владений конкретного лица. Он нацелен на глобальное. На преодоление закона бытия и замещение его собственным. То есть на владение человечеством.

Понимая, что каждый человек внутри себя свободен, терроризм стремится эту силу (господство) притупить. И делает это через своеобразное размещение сущности человека «по углам». Сквозь расслаивание существования и должного, свободы и необходимости, внутреннего и внешнего. Так естество человека легко «разогнать», «пустить в разнос», «распродать по кускам» – дезориентировать. В отличие от шантажиста, обращенного к известному лицу и отбирающего материальную часть жертвы, террорист использует самую жертву. Он действует локально, но захватывая жизнь. То есть, манипулируя смертью. Полагая, что человечество ограничено (локально), террорист нацелен его захватить.

Именно знание о неявной силе человечества (свободе) и способность быть безучастным к неизвестному, как раз становятся главным маневром терроризма. Терроризм аннулирует нетствующий промежуток бытия и сущего (разграничительную силу). Это сфера действия отсроченным будущим, которое для террориста не «нетствующее», а «никогда-не-будущее» грядущее, «всегда-будущее» уничтожать, гнობить происходящее. Итак, террорист не проводит линию между наличием и обналичиваемым отсутствием («да» и «нетствующим»), не разъединяет присутствие и отсутствие. Он гробит присутствующее (грядущее) и охвачен властью голого «нет» (пустотой). Запугивает абсолютно зависимый. Не уже-не-свободный, а настоящий, вечный раб.

Устрашение близко запугиванию. Но сфера влияния устрашения только кажется более «мягкой». В действительности архиподлая. Она вырабатывает привычку беспрекословно подчиняться приказу/команде из-за устойчиво навязанной человеку растерянности. Устрашение нацелено не на затирание свободы, а на ее «раздражение» (раскат). То есть

устрашение провоцирует свободу. Вынуждает гневаться, возмущаться. Это сопровождается подначиванием сущности. Убедением в том, что личностный мир зряшен, слаб и безнадежен в своих порывах проявиться. Личностное усилие сводится к инстинктивной вспышке. Действие устрашения вырабатывает усталость отстаивания своей уникальности, всегда присущей человеку неповторимости. Такое положение готовит момент отказа от своей позиции для легкости просачивания атак актов запугивания в душу жертвы.

Насилие несет в себе не только внутреннее принуждение – притеснение, беззаконие, но так же допускает применение физической силы. Это всегда угнетение сущности жертвы сквозь *стеснение свободы* и несправедливое ограничение изначальных пределов. Насилию поддается тот, кто не сдает позиции при потоке устрашений и запугиваний и удерживает свою идентичность. Тот, кто не «разнес себя по углам», но находится в ситуации заложника, подвергается предельным выходкам терроризма: изувечиванию телесности и истязанию духовности. Основанием насилия есть терзание.

Страх опирается на испуг, на распространившееся устрашение и подействовавшее запугивание. Страх – это вызов повиновения, «втихомоливание» свободы. Страх – свидетель атрофии внутреннего мира, паралича духовности, утраты самостоятельности. Это изжитая способность исполнять предназначение, которая сопровождается мольбой.

Стоит обратить внимание на то, что мольба (умаливание) – это не молитва, несущая в себе откровенную оповедь (раскаивание), а притязание (обеспечение себя земным покоем). Мольба – это выдача (развенчание) скрытного желания жить без тревог и заботы, просьба восстановить сытый мир. Это исподтишка вытягиваемое нечто.

Таким образом, запугивание, устрашение, насилие и страх работают там, где еще есть что разрушать. В пределах присутствующего. И свидетельствуют как о силе человека, поскольку он человек, так и о манипуляциях терроризма.

Итак, террор – это захват безусловной власти на основании страха уничтожения. Отброшенное терактом промежуточное положение человека как человека, ввергает его участника в неподконтрольную (инстинктивную) издевку над сущностью свободы и излишнее (одномерное) полагание на собственное влечение. Такой человек уже иерархизирован (разбит на этапы). Он одержим исключением непредсказуемости происходящего, и неумолимо сводит естество к твари. Хочет подчинить себе мир. Поэтому действует не исходя из Ничто, а ничто-жно.

Террорист условно всемогущ, так как никогда не идет на контакт. Никогда не договаривается. То есть не оставляет места для согласия. Пространство говорения террориста – это отдача команд, выполнение которых должно быть мгновенным и безоговорочным. Все усугублено тем, что путь терроризма необратим и всецело захватывает. В то время, как шантажист ни при каких условиях не настроен уничтожать себя, даже в случае разоблачения своего действия, террорист способен уничтожить не только заложника, но и свое окружение и, конечно, себя. Для террориста выставленное им требование – высшая ценность и он готов отдаться полностью.

Единственной остановкой терроризма есть разоблачение его уловки. Только это горький путь. Категорический и не предусматривающий оглядок и раздумий. Абсолютное осознание того, что есть что-то важнее жизни, не совсем задание и в своем большинстве минуемо. Обесмыслить терроризм способен полный отказ.

«Нет» требованию террориста – «нет» жизни заложника и что неожиданно – «нет» уничтожению в принципе. При этом «да» требованию террориста – «да» жизни заложника и все же согласие на уничтожение в принципе. Поэтому все теракты остаются бедственными. Ни одно правительство не идет на согласие с террористами, зато всегда отягощено спасением заложников. А это уже реагирование. Так сказать исключение или раздумывание и предательство полного отказа.

Реагировать на терроризм нельзя, но оставить его без внимания невозможно. Нельзя, так как игнорирование лишает террор средств своего действия и буквально затормаживает его. Требование террориста безгранично, но не вечно. Оно не последнее (остаточное), а очередное и потому следующий акт террора в случае реагирования гарантирован. Но всегда есть риск не выдержать, не дожидаться насыщения терроризма. Невозможно не реагировать на террор, так как

вовлечены жизни мирных людей. Но анализ и разбор террористических актов во всеуслышание только подогревает сам террор и еще более убеждает человека в его непреодолимой силе.

В случае полного отказа терроризму – место для спасения действительного положения вещей проступает сквозь личное согласие заложника со своей участью. То есть через самоотчуждение заложника. Итак, заложник – как средство свершения теракта, единственный, кто может прекратить действие террора через осознания себя жертвой и добровольное становление целью теракта. Попытки правительства спасти жертву теракта, увы, только продолжают сам терроризм. В терроре согласие позволительно только по отношению к смирению со сложившейся ситуацией. Заложник должен исполнить свое предназначение и не дать в такой способ исполнить требование террориста. Сложность принятия такого решения обеспечивает террористу силу своего влияния и оставляет сущность теракта незаметной.

Поскольку в шантаже из-за раскола нетсвующего промежутка, шантажист использует скверну, он может даже освободить душу жертве. Выуживая из шантажируемого компенсацию за проступок, шантажист дырявит происходящее, но все же разоблачает грех. Ибо вытягивает «скопившуюся нечисть» наружу. В теракте жертва изначально обречена. Ибо террорист использует свободу.

В теракте заложник, не имеет отношения к требованиям террориста. Но имеет отношение к возможности остановки терроризма. Принимая жертву, заложник рискует лишиться собственной жизни, но сохраняет принцип жизни вообще. Не выполняя требования террористов, человек запрещает террор как террор. Не разрешая снять акт террора, жертва допускает его полную реализацию и что парадоксально этим его опустошение.

Уловка террора заключена в игре жизнью-смертью, тогда как жертва должна отказаться от жизни и согласиться на невозможное – на смерть. Так как такие согласия возможны для «одиночек», а в теракт заключены толпы, терроризм практически неистребим. Но человеку, на этапе процветания терроризма, хотя бы хватило духу уловить, что террорист всегда в тени, затемнен. Ведь вина за теракт не случайно ложиться на плечи «спасителей». Сами же зачинщики осуждаются безлично и не подвергаются ни осуждению, ни наказанию.

Шантаж, действуя сквозь вымогательство, не способен «развернуть» бытие. Шантаж наносит мелкие удары. Он дурная «побудка» зла, «размычка», разобщение естественного. А террор, действуя сквозь страх, «взрывает» бытие. Он непредсказуем и это та уловка преодоления настоящего, с которой бороться мирными средствами бесполезно. Террор – преступный опыт сверхчеловеческой воли, поставленной в зависимость от себя и приводящей к уничтожению происходящего.

Таким образом, уловки преодоления действительного положения вещей, могут быть представлены в виде условного (временного) изворота бытия и преступного (одержимого) изворота бытия. Сущность уловки, представленной в облике шантажа, в манипуляции грехом и опоре на скверное. Шантажист уличает того, кто допустил проступок, но негодно, отъявленно (выставляя условия себе на пользу) восстанавливает справедливость. Он рассчитывает на слабость, ущербность человека с целью получения предпочтений. Поэтому шантаж – это условный и разрешимый изворот бытия.

Сущность уловки, представленной террором, в игре жизнью-смертью и разврате свободы. Террорист, используя жизнь человека и вынуждая его на смерть, насильно восстанавливает свои права. То есть перешагивает неприкосновенное. При этом остается неуловимым, невидимым и неизвестным, с одновременным подрывом власти того, кто пытается вмешаться в теракт и обезвредить, но не заблокировать его. Это расчет не на слабость человека, а на невозможное. Выходит, что терроризм – это преступный и необратимый изворот бытия.

Таким образом, уловки гуманитаристики, представленные в шантаже и теракте, свидетельствуют о ее расчетливой сущности, что говорит не о безобидности гуманитаристики.

Summary

Oblova L. Humanities Tricks. Blackmail and Terror. In the article it is proposed that view point of humanities as the technology of human management. Also author attempted to introduce blackmail and terror as an existentials. Keywords: humanities, blackmail, terror, fear, intimidation